

К вопросу о добросовестности должника-физического лица в делах о несостоятельности (банкротстве)

Токарева Елена Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,

Новосибирский государственный университет экономики и управления,

630099, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Каменская, 56;

e-mail: e.v.tokareva@edu.nsuem.ru

Аннотация

В статье изучается вопрос добросовестности физических лиц при рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве), анализируются действия гражданина, связанные со сменой им места регистрации в преддверии процедуры банкротства, называемые «банкротным туризмом». На основе анализа норм действующего законодательства и судебной практики автор приходит к выводу о том, что в делах о банкротстве правовой постулат, подтверждающий презумпцию о том, что место жительства гражданина совпадает с местом его регистрации не всегда может свидетельствовать о недобросовестном поведении должника и «упрощает» имеющуюся проблему. Для ее решения автор предлагает обратиться к европейской модели банкротной подсудности на основании центра основных интересов (COMI), тем более, что подобный исторический опыт у нашей страны уже есть и первые шаги в этом направлении сделаны и высшей судебной инстанцией.

Для цитирования в научных исследованиях

Токарева Е.В. К вопросу о добросовестности должника-физического лица в делах о несостоятельности (банкротстве) // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С. 268-276. DOI: 10.34670/AR.2026.51.88.029

Ключевые слова

Банкротство, добросовестность, стандарт добросовестности должника, должник, банкротный туризм, подсудность, место жительства, место регистрации, гражданское право, судебная практика.

Введение

Добросовестность (добросовестное поведение) в праве выполняет ряд функций: это и принцип права и правовая презумпция, а в отраслях процессуального права добросовестность (добросовестное поведение) может быть элементом предмета доказывания.

В ст. 1 ГК РФ содержится общее правило: при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, и никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Традиционно добросовестность служит примером неоднозначной правовой категории, относительно которой нет единства мнений в доктрине, более того, ее межотраслевой характер влечет разное смысловое наполнение в отдельных отраслях или в отдельных институтах. Однако в любом случае добросовестность может существовать в субъективном смысле - как отношение лица к своим действиям и в объективном смысле - как некие стандарты действий, которые можно определить.

В рамках настоящего исследования добросовестность будет рассматриваться как межотраслевая и общеправовая категория, которая в регулировании института банкротства приобретает специфическое значение, обусловленное экономической составляющей банкротства. Множественность интересов участников гражданского оборота, объединенных общей целью удовлетворения своих требований за счет конкурсной массы, предполагает хотя бы минимальную заботу каждого участника правоотношений об интересах другого. [Сергеева, 2025, с. 37].

Основной постулат, определяющий всю концепцию банкротства – добрая совесть, который требует высоких моральных качеств, в том числе и честности, от всех лиц, вовлеченных в процедуру банкротства. Особую актуальность это приобретает в случаях банкротства граждан, так как с момента появления данного правового механизма, ставшего доступным для применения с 1 октября 2015 г. путем введения в гл. X Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" он стал использоваться гражданами-должниками для недобросовестного уклонения от исполнения своих обязанностей, «а сам институт банкротства граждан стал прочно ассоциироваться с громкими банкротными процессами Б.А. Кехмана, Т. Исмаилова и др.». [Карелина, 2023, с. 15].

В определенной степени повлиять на данную ситуацию взялся Верховный Суд РФ, которая в ряде принятых Постановлений Пленума указал на недопустимость злоупотребления правом со стороны гражданина-должника и требовал его добросовестного поведения в делах о несостоятельности (банкротстве) (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. N 45 "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан", Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"). Но это было недостаточно для полной и всесторонней оценки поведения должника, а направлено лишь на недопущение злоупотребления правом, а также сокрытия гражданином обстоятельств, отрицательно влияющих на возможность полного удовлетворения требований всех кредиторов.

На практике сложность отнесения действий должника к категории недобросовестного поведения и злоупотребления правом отчасти объясняется еще и отсутствием четкой дефиниции данных понятий и определении их как оценочных, что дает судам основание различным образом разрешать споры в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Вместе

с тем правоприменительная практика определила ряд случаев, при которых поведение должника явно свидетельствует о его недобросовестности.

Основная часть

В рамках банкротства (как судебного, так и внесудебного) на гражданина возлагается ряд обязанностей, исполнение которых способствует достижению цели процедуры.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 213.4 Закона N 127-ФЗ при инициировании процедуры банкротства гражданин обязан сообщить сведения о своих кредиторах, сумме задолженности, своем имуществе, а также о сделках с недвижимым имуществом, ценными бумагами, долями в уставном капитале, транспортными средствами и сделках на сумму свыше трехсот тысяч рублей, совершенных в предшествующий трехлетний период. Согласно п. 9 ст. 213.25 Закона N 127-ФЗ гражданин-должник обязан не позднее одного рабочего дня, следующего за днем принятия решения о признании его банкротом, передать финансовому управляющему все имеющиеся у него банковские карты. В рамках внесудебного банкротства в отсутствие фигуры управляющего должник также обязан сам осуществлять мониторинг своего имущественного положения и в случае поступления в его собственность имущества или иного существенного изменения его имущественного положения в течение пяти рабочих дней уведомить об этом МФЦ (п. 1 ст. 223.5 Закона N 127-ФЗ). Указанное обстоятельство позволило некоторым исследователям говорить о появлении в делах о банкротстве стандарта добросовестности должника, но применительно только к судебному банкротству, т.к. применение данного стандарта во внесудебном банкротстве, при отсутствии у сотрудников МФЦ соответствующего опыта и полномочий, пока проблематично [Бобылева и др., 2022; Рахвалова, 2021]

Общим правовым последствием недобросовестного поведения должника служит неосвобождение его от обязательств (ст. 213.28 Закона N 127-ФЗ), что, по сути, является частным случаем правила ст. 10 ГК РФ об отказе лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично как последствии злоупотребления правом. [Шайхутдинов, 2020, с. 62]

Представляется возможным согласиться с предложенной классификацией недобросовестного поведения гражданина-должника на три группы в зависимости от критерия времени: действия, совершенные в преддверии процедуры банкротства; при подаче должником заявления о признании несостоятельным (банкротом) и непосредственно в ходе самой процедуры банкротства. [Гущина, 2016, с. 51]

Среди наиболее распространенных действий, совершаемых гражданином-должником как в преддверии процедуры банкротства, так и при подаче заявления и непосредственно в ходе самой процедуры банкротства, которые суды рассматривают в качестве недобросовестных, а вследствие этого влекущих злоупотребление правом, относятся следующие: отчуждение имущества по заниженной стоимости или и вовсе безвозмездно; сокрытие информации об имуществе, на которое можно обратить взыскание; непогашение задолженности при наличии возможности ее ликвидации (злостное уклонение от погашения задолженности); сменой гражданином-должником места регистрации в преддверии процедуры банкротства.

Остановимся на последнем виде поведения гражданина-должника. Статьей 33 ФЗ от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» установлено, что дела о банкротстве юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, рассматривает арбитражный суд по месту нахождения должника - юридического лица или по месту жительства гражданина. При этом, «дела о банкротстве граждан и индивидуальных предпринимателей (ИП) должны рассматриваться в арбитражных судах, учитывая необходимость обеспечения сбалансированных интересов - между имущественными интересами кредиторов и личными

правами должника по рассматриваемому делу» [Дарькин, 2018, с. 156].

В соответствии с п.1. ст. 20 ГК РФ местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. В абз.8 ст. 2 Закона РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» понятие «место жительства» определено более подробно следующим образом – «это жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника или по договору найма (под найма), договору найма (под найма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства». При этом резюмируется, что место жительства гражданина совпадает с местом его регистрации (абз. 4 ст. 2 и ч.2 ст. 3 Закона РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» и абз. 2 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве)»). Т.е. под местом жительства гражданина мы понимаем обычную «прописку».

Соответственно и правило территориальной подсудности в данном случае может быть изменено достаточно просто - должнику лишь следует поменять прописку и зарегистрироваться в новом регионе, где должник или «дружественный» ему кредитор смогут подать заявление о банкротстве.

В настоящее время практика такого «искусственного» изменения территориальной подсудности применяется в российской правовой действительности. Искусственное изменение территориальной подсудности дела о банкротстве путем формальной смены должником регистрационного учета, при условии отсутствия фактического его переезда, с недавнего времени расценивается Верховным Судом РФ как «банкротный туризм» [Определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2019 г. по делу N A63-9583/2018], имеющий, в целом, негативную окраску в связи с тем, что зачастую такие действия свидетельствуют о злоупотреблении должником своими правами.

Как в данном случае могут быть защищены права кредитора? Статья 17 Конституции РФ содержит запрет на осуществление прав и свобод человека и гражданина вопреки правам и свободам других лиц. Нормы процессуального законодательства закрепляют универсальный принцип недопустимости недобросовестного поведения участников процессуальных отношений (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч.2,3 ст. 41 АПК РФ), что прямо подтверждается судебной практикой, которая складывается в данном случае в пользу кредиторов.

В 2019 году Верховный Суд РФ в одном из своих определений впервые использовал термин «банкротный туризм» и сформулировал свою правовую позицию относительно вопроса определения территориальной подсудности в делах о банкротстве, выражющуюся в том, что установление судами факта фиктивной регистрации (смены места жительства должника) в деле о банкротстве свидетельствует о его недобросовестном поведении со всеми вытекающими из этого процессуальными последствиями [Определение ВС РФ от 25.02.2019 г. № 305-ЭС18-163227 по делу № A41-40947/2018]. Эта позиция высшей судебной инстанции прослеживается и в иных делах, касающихся «банкротного туризма», обрастая в ряде случаев некоторыми процессуальными деталями [Определение ВС РФ от 25.07.2019 N 306-ЭС19-3574 по делу N A12-34933/2017; Определение ВС РФ от 25.03.2021 N 310-ЭС20-18855 по делу N A14-17002/2019].

Так, по спору между кредиторами и должником - бывшим главой крестьянско-фермерского хозяйства С.Чаком, изменившим место регистрации прямо перед подачей заявления о личной несостоятельности, Коллегия ВС РФ не только подтвердила сделанный ранее вывод о том, что смена прописки должника "была направлена на искажение действительных данных о месте постоянного или преимущественного проживания", ведь по новому адресу должник "зарегистрировался лишь формально и после этого уехал обратно в г. Москву, где фактически и проживает" и дала определение «банкротного туризма» как "создание искусственных условий для изменения территориальной подсудности дела о банкротстве посредством формальной смены регистрационного учета, не сопровождаемой фактическим переездом, для целей затруднения кредиторам реализации принадлежащих им прав на получение с должника причитающегося исполнения в процедуре несостоятельности", но и ввела новое для российского банкротного права понятие "центр тяготения экономических интересов должника", являющегося аналогом используемого многими зарубежными правопорядками понятия "центр основных интересов" (centre of main interests - COMI), перераспределяя в данном случае бремя доказывания на сторону, сменившую прописку за несколько дней до подачи заявления о банкротстве (должника) того факта, что она реально сменила место жительства [Определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2019 г. по делу N A63-9583/2018].

Но здесь возникает ряд вполне закономерных вопросов, которые, как представляется, достаточно «однобоко» решены в действующем законодательстве. Как суду следует поступить в том случае, если вдруг должник преодолеет это бремя и докажет, что он действительно только что переехал в другой регион, причем по какой-то разумной (добропорядочной) причине, или как быть в том случае, если должник имеет, условно говоря, два так называемых места жительства, например, зимой – осенью проживает в городской квартире, а весной – летом в загородном доме, причем такой дом может находиться в другом регионе страны? Как справедливо утверждается на страницах юридической литературы, сам по себе выбор должником оптимального правопорядка для целей его банкротства вряд ли может быть охарактеризован исключительно как негативное явление. Стремление лица использовать максимально эффективный правовой инструментарий для защиты его прав, если это не направлено на ущемление прав и законных интересов иных лиц, вполне вписывается в рамки добросовестного поведения и может рассматриваться в качестве элемента права на суд, гарантированного как международным правом, так и национальным правом большинства государств. [Мохова, 2015, с. 80]. Представляется справедливым тезис о том, что "банкротный туризм" может быть как добросовестным, так и недобросовестным в зависимости от конкретных обстоятельств [Weijns, 2013].

Ограниченностя действующего российского законодательства относительно вопросов о месте жительства гражданина сразу отсылает нас в данном случае к процедуре регистрации (административно-учетной процедуре), которая в делах о банкротстве, как представляется, существенно «упрощает» имеющуюся проблему. Автором в данном случае не рассматривается вопрос нарушения лицом норм административного законодательства, так как полагаем, что в складывающейся объективной реальности для гражданского оборота термины «место жительства» и «место регистрации» не всегда должны рассматриваться как синонимичные.

Здесь хотелось бы опять обратить внимание на использование Верховным судом РФ в ряде своих определений понятия «центр основных интересов» (centre of main interests - COMI). Оно используется во многих международных актах и применяется за рубежом не столько для борьбы с «банкротным туризмом», сколько для выстраивания четкой и логичной международной системы трансграничного банкротства, т.к. возможность банкротства должника не по месту

формальной регистрации, а по месту фактического ведения хозяйственной (предпринимательской) деятельности существенно снижает возможность злоупотребления в вопросах международной подсудности [Бачурин, 2022, с. 100].

Возможно ли применить европейскую модель банкротной подсудности на основании места нахождения центра основных интересов должника в российском банкротном праве? Полагаем, что да, т.к. правовая конструкция центра основных интересов (COMI) представляется наиболее перспективным способом борьбы с негативными последствиями банкротного туризма и в нашей стране [Коляда и др., 2018, с. 50].

Заключение

Подводя итог, хотелось бы отметить, что законодатель нацеливает всех лиц, участвующих в деле о банкротстве на добросовестное поведение, на недопущение скрытия каких-либо обстоятельств, которые могут отрицательно повлиять на возможность максимально полного удовлетворения требований кредиторов, затруднить разрешение судом вопросов, возникающих при рассмотрении дела о банкротстве, или иным образом воспрепятствовать рассмотрению дела в суде.

Очевидно, что институт потребительского банкротства имеет большую социальную значимость. Помимо исторически сложившейся цели - обеспечить исполнение обязательств перед кредиторами, современное законодательство и судебная доктрина выстроены таким образом, чтобы гражданин мог заново выстроить экономические отношения, пройти социальную реабилитацию. Но такое бережное отношение государства к своим гражданам требует их взаимной ответственности перед всеми вовлеченными в процедуру банкротства лицами. Очевидно, что институт потребительского банкротства имеет большую социальную значимость. Помимо исторически сложившейся цели - обеспечить исполнение обязательств перед кредиторами, современное законодательство и судебная доктрина выстроены таким образом, чтобы гражданин мог заново выстроить экономические отношения, пройти социальную реабилитацию. Но такое бережное отношение государства к своим гражданам требует их взаимной ответственности перед всеми вовлеченными в процедуру банкротства лицами.

И такая точка зрения вполне обоснована, поскольку освобождение от обязательств - это привилегия, которую заслуживают только честные должники. Очевидно, что институт потребительского банкротства имеет большую социальную значимость. Помимо исторически сложившейся цели - обеспечить исполнение обязательств перед кредиторами, современное законодательство и судебная доктрина выстроены таким образом, чтобы гражданин мог заново выстроить экономические отношения, пройти социальную реабилитацию. Но такое бережное отношение государства к своим гражданам требует их взаимной ответственности перед всеми вовлеченными в процедуру банкротства лицами.

И такая точка зрения вполне обоснована, поскольку освобождение от обязательств - это привилегия, которую заслуживают только честные должники.

И видимо не случайным стало появление Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан от 18 июня 2025 г., в котором содержится сразу несколько положений, касающихся добросовестности должника при решении вопроса о его освобождении от обязательств. Это свидетельствует о динамичном развитии института добросовестности в банкротных отношениях, а также влиянии на его понимание условий и обстоятельств объективной действительности.

Библиография

1. Бачурин В.В. Применение в России европейской модели COMI для определения подсудности дел о банкротстве // Российский судья. 2022. N 7. C. 3 - 8.
URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=143634&dst=100094&field=134>
2. Бобылева А.З., Горев Д.Е., Зайцева Ю.А. и др. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: Монография / Отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. 312 с.
URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=19054>
3. Будылин С.Л., Тай Ю.В. Не стоит путать туризм с эмиграцией. Банкротный туризм в России и за рубежом // Закон. 2023. N 6. С. 72 – 103.
4. Гущина М.С. Добросовестность поведения должника в делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц // Судья. 2016. N 7. C. 51.
URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=100099&dst=100016&field=134>
5. Дарькин А.О. Доказательства по делу о банкротстве физического лица - гражданина. Порядок их истребования // Современный юрист. 2018. N 3. С. 156 - 164.
6. Карелина С.А. Особенности реализации общеправовых принципов в процессе банкротства граждан // Закон. 2023. N 6. С. 15 – 24.
7. Коляда М.В., Миронов Э.Ю, Одинцов С.В. Правовые проблемы трансграничной несостоятельности и негативные проявления "банкротного туризма" // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. N 8. С. 50 - 57.
8. Мохова Е.В. "Банкротный туризм": миграция должников в поисках лучшей страны для персонального банкротства и освобождения от долгов // Закон. 2015. N 12. С. 73 - 97.
9. Определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2019 г. по делу N A63-9583/2018. URL: СПС КонсультантПлюс.
10. Определение ВС РФ от 25.02.2019 г. № 305-ЭС18-163227 по делу № А41-40947/2018. URL: СПС Консультант Плюс.
11. Определение ВС РФ от 25.07.2019 N 306-ЭС19-3574 по делу N A12-34933/2017.
URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=591341>
12. Определение ВС РФ от 25.03.2021 N 310-ЭС20-18855 по делу N A14-17002/2019.
URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=660311>
13. Рахвалова Д.О. Отдельные вопросы определения стандарта добросовестности должника-гражданина в деле о банкротстве // Юрист. 2021. N 8. С. 67 – 71.
14. Сергеева С.Л. Принцип добросовестности в банкротстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. N 11. С. 35 - 41.
15. Шайхутдинов Е.М. Отказ от освобождения гражданина от обязательств по завершении процедуры банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 10. С. 65 - 71.
URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=132472&dst=100047&field=134>
16. Weijns, R.J., & Breeman, M. (July, 2013). COMI-migration: Use or Abuse of European Insolvency Law. Centre for the Study of European Contract Law Working Paper Series. URL: <http://ssrn.com/abstract=2291405>

On the Issue of Good Faith of a Natural Person Debtor in Insolvency (Bankruptcy) Cases

Elena V. Tokareva

PhD in Law, Associate Professor,

Novosibirsk State University of Economics and Management,
630099, 56, Kamenskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: e.v.tokareva@edu.nsuem.ru

Abstract

The article examines the issue of good faith of natural persons in the consideration of an insolvency (bankruptcy) case, analyzing actions of a citizen related to changing their place of

Tokareva E.V.

registration on the eve of the bankruptcy procedure, referred to as "bankruptcy tourism." Based on an analysis of the norms of current legislation and judicial practice, the author concludes that in bankruptcy cases, the legal postulate confirming the presumption that a citizen's place of residence coincides with their place of registration cannot always indicate the debtor's bad faith behavior and "oversimplifies" the existing problem. To solve it, the author proposes turning to the European model of bankruptcy jurisdiction based on the center of main interests (COMI), especially since our country already has such historical experience, and the first steps in this direction have been taken by the highest judicial authority.

For citation

Tokareva E.V. (2025) K voprosu o dobrosostoyatel'nosti dolzhnika-fizicheskogo litsa v delakh o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [On the Issue of Good Faith of a Natural Person Debtor in Insolvency (Bankruptcy) Cases]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 268-276. DOI: 10.34670/AR.2026.51.88.029

Keywords

Bankruptcy, good faith, standard of debtor's good faith, debtor, bankruptcy tourism, jurisdiction, place of residence, place of registration, civil law, judicial practice.

References

1. Bachurin, V. V. (2022). Primenenie v Rossii evropeiskoi modeli COMI dlja opredelenija podsudnosti del o bankrotstve [Application of the European COMI Model in Russia for Determining Bankruptcy Case Jurisdiction]. *Rossiiskii sud'ia*, 7, 3-8. <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=143634&dst=100094&field=134>
2. Bobyleva, A. Z., Gorev, D. E., Zaitceva, Iu. A., [et al.] (Eds. S. A. Karelina & I. V. Frolov). (2022). *Mekhanizmy bankrotstva i ikh rol' v obespechenii blagosostoianija cheloveka* [Bankruptcy Mechanisms and Their Role in Ensuring Human Well-being]. Iustitsinform. <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=19054>
3. Budylin, S. L., & Tai, Iu. V. (2023). Ne stoit putat' turizm s emigratsiei. Bankrotnyi turizm v Rossii i za rubezhom [One Shouldn't Confuse Tourism with Emigration. Bankruptcy Tourism in Russia and Abroad]. *Zakon*, 6, 72–103.
4. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of March 21, 2019 in case No. A63-9583/2018. ConsultantPlus legal database.
5. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of February 25, 2019 No. 305-ES18-163227 in case No. A41-40947/2018. ConsultantPlus legal database.
6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of July 25, 2019 No. 306-ES19-3574 in case No. A12-34933/2017. <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=591341>
7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of March 25, 2021 No. 310-ES20-18855 in case No. A14-17002/2019. <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=660311>
8. Darkin, A. O. (2018). Dokazatel'stva po delu o bankrotstve fizicheskogo litsa - grazhdanina. Poriadok ikh istrebovaniia [Evidence in a Case of Bankruptcy of an Individual - a Citizen. Procedure for Their Request]. *Sovremennyi iurist*, 3, 156-164.
9. Gushchina, M. S. (2016). Dobrosostoynost' povedeniia dolzhnika v delakh o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) fizicheskikh lits [The Good Faith of the Debtor's Behavior in Insolvency (Bankruptcy) Cases of Individuals]. *Sud'ia*, 7, 51. <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=100099&dst=100016&field=134>
10. Karelina, S. A. (2023). Osobennosti realizatsii obshchepravovykh printsipov v protsesse bankrotstva grazhdan [Features of the Implementation of General Legal Principles in the Process of Bankruptcy of Citizens]. *Zakon*, 6, 15–24.
11. Koliada, M. V., Mironov, E. Iu., & Odintsov, S. V. (2018). Pravovye problemy transgranicchnoi nesostoyatel'nosti i negativnye proiavleniya "bankrotnogo turizma" [Legal Problems of Cross-Border Insolvency and Negative Manifestations of "Bankruptcy Tourism"]. *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii*, 8, 50-57.
12. Mokhova, E. V. (2015). "Bankrotnyi turizm": migratsii dolzhnikov v poiskakh luchshei strany dlja personal'nogo bankrotstva i osvobozhdeniya ot dolgov ["Bankruptcy Tourism": Migration of Debtors in Search of a Better Country for Personal Bankruptcy and Debt Relief]. *Zakon*, 12, 73-97.
13. Rakhvalova, D. O. (2021). Otdel'nye voprosy opredelenija standarta dobrosostoyatel'nosti dolzhnika-grazhdanina v dele o bankrotstve [Selected Issues of Determining the Standard of Good Faith of a Citizen-Debtor in a Bankruptcy

- Case]. *Jurist*, 8, 67–71.
14. Sergeeva, S. L. (2025) Printsip dobrosostnosti v bankrotstve [The Principle of Good Faith in Bankruptcy]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 11, 35-41.
15. Shaikhutdinov, E. M. (2020). Otkaz ot osvobozhdeniya grazhdanina ot obiazatel'stv po zavershenii protsedury bankrotstva [Refusal to Release a Citizen from Obligations upon Completion of Bankruptcy Proceedings]. *Akтуальные проблемы российского права*, 10, 65-71. <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=132472&dst=100047&field=134>
16. Weijns, R. J., & Breeman, M. (2013, July). *COMI-migration: Use or Abuse of European Insolvency Law* (Centre for the Study of European Contract Law Working Paper Series). <http://ssrn.com/abstract=2291405>